

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Психея

На заре, в румянном утреннем небе горит крупная, яркая звезда. Луч её дрожит на белой стене, словно хочет начертить на ней рассказы о всём, виденном ею там и сям на нашей вращающейся земле.

Послушай же один из её рассказов!

– Недавно (недавнее для звезды для нас людей означает событие, совершившееся несколько столетий тому назад), лучи мои следили за одним молодым художником; жил он в папской столице, во всемирном городе Риме. Многие изменилось там с течением времени, хотя такие перемены и совершаются далеко не так быстро, как человек становится из ребёнка стариком. Императорский дворец и тогда уже был в развалинах; между поверженными во прах мраморными колоннами и над расписанными золотом стенами полуразрушенных терм возвышались фиговые и лавровые деревья. Колизей тоже представлял одни руины. Но церковные колокола звонили; ладан курился; по улицам проходили процессии со свечами и сияющими балдахинами. Рим был городом церковной пышности; но здесь также процветало и высоко почиталось искусство. В Риме жили величайший художник мира Рафаэль и величайший ваятель средних веков Микель Анджело. Сам папа отдавал честь обоим, удостоивал их своими посещениями. Искусство признавали, чттили и награждали. Но, конечно, не всё достойное замечалось и удостоивалось награды.

В маленькой, узенькой улице стоял старый дом, бывший некогда храмом. В доме этом жил молодой ваятель, бедный, безызвестный. Но у него, конечно, были друзья, тоже молодые художники, юные душою, богатые надеждами и мыслями. Они говорили ему, что у него большой талант, и что он просто глуп, если сам этому никак поверить не может. А он и в самом деле постоянно разбивал вдребезги созданное им накануне, никогда не бывал доволен своею работою и не доводил её до конца, а это необходимо: иначе кто же её увидит, признает и заплатит за неё

деньги?

– Ты мечтатель! – говорили ему друзья. – И в этом твоё несчастье! Происходит же всё это оттого, что ты ещё не жил, как надо, не вкусил жизни, не пил жадными глотками жизненного нектара. А, ведь, в молодости-то именно и надо слиться с жизнью воедино! Вот тебе пример – величайший художник мира Рафаэль; его чтит сам папа, ему дивится весь свет, а он и ест и пьёт, как все, ни от чего не отказывается!

– Даже от самой булочницы, прекрасной Форнарины! – сказал Анджело, один из первых весельчаков молодой компании.

И многое ещё чего наговорили они! Они говорили, что подсказывали им их молодость, разум и желание увлечь молодого художника в круговорот веселья, шалостей – пожалуй, даже сумасбродств. Временами и он сам был не прочь от этого: кровь в нём была горячая, душа пылкая, и он мог участвовать в весёлых беседах, смеяться от души, не хуже других! И всё-таки так называемая «весёлая жизнь Рафаэля» казалась ему каким-то чадом, туманом в сравнении с божественным блеском, которым сияли картины великого мастера. А как волновалась его грудь, когда он стоял в Ватикане перед образами нетленной красоты, изваянными из мрамора художниками древних времён! Какой ощущал он тогда подъём духа, какую силу, какой священный огонь жёг его сердце! В нём загоралось желание создать из мрамора подобные же образы. Он хотел воплотить в мраморе то чувство, которое стремилось из глубины его души вознестись к Вечному и Бесконечному. Но как воссоздать его, в каком образе? Мягкая глина послушно принимала под его пальцами прекрасные формы, но на другой день он, как и всегда, уничтожал созданное им накануне.

Однажды он проходил мимо одного из многочисленных роскошных римских палаццо, остановился перед большими открытыми воротами и увидел внутри двора, за расписанными аркадами, садик, полный душистых роз. Сочные, зелёные листья змеиной травы купались в мраморном бассейне, наполненном прозрачною водой. Тут же перед ним промелькнуло видение – молодая девушка, дочь хозяина дома. Как она была нежна, воздушна, прелестна! Никогда в жизни не видывал он такой женщины! Ах, нет, видел в одном из римских

палаццо на картине Рафаэля, в образе Психеи. Там она была написана красками, здесь явилась ему живая.

Она ярко запечатлелась в его сердце и мыслях; вернувшись в свою бедную мастерскую, он принялся лепить из глины Психею – знатную молодую римлянку, и впервые остался доволен своей работой. Она имела в его глазах значение, – это было, ведь, её изображение!

Друзья, увидав статую, громко возликовали: в этой работе художественный талант его выразился необычайно ярко; до сих пор его признавали только одни они, теперь его признает весь свет!

Глина прекрасно передаёт жизненность тела, но не обладает белизной и прочностью мрамора; Психея должна была ожить в мраморе, и у художника даже имелся этот драгоценный материал: во дворе с давних лет лежала мраморная глыба, принадлежавшая ещё его родителям. На ней валялся разный мусор, осколки стекла, обрезки овощей; всё это грязнило, пачкало её снаружи, но внутри мрамор сиял снежною белизною; из него-то и должна была восстать Психея.

В один прекрасный день – звезда об этом ничего не рассказывает, – она не видала этого, но мы-то знаем, что оно было так – узенькую, бедную улицу посетил знатное общество; посетители оставили карету неподалёку от дома и пешком прошли к жилищу художника. Явились они посмотреть на его работу, о которой случайно услышали. Кто же такие они были? Бедный юноша! Или лучше: слишком счастливый юноша! В его студии стояла она, сама молодая красавица! И как улыбнулась она, когда отец её сказал: «Да, ведь, это ты, живая!» Эту улыбку нельзя было передать, этого взира удивления нельзя было изобразить! Он поднимал, облагораживал и – повергал во прах! – Психею нужно изваять из мрамора! – сказал знатный посетитель. И слова эти вызвали к жизни мёртвую глину и тяжёлую мраморную глыбу, равно как и самого взволнованного художника. – Когда работа будет окончена, я покупаю её! – прибавил знатный римлянин.

Словно новая эра настала в бедной мастерской; в ней закипели жизнь, веселье, работа. Сияющая утренняя звезда созерцала, как

работа подвигалась вперёд. Самая глина, казалось, ожила, с тех пор, как побывала здесь она, и послушно принимала под рукою художника желаемые формы, передавала знакомые черты. Скоро они засияли высшею, совершеннейшею красотой.

– Теперь я знаю, что такое «жить»! – ликовал художник. – Это значит – любить, увлекаться возвышенным, восхищаться прекрасным! То же, что называют жизнью мои товарищи – обман, пузыри, вскакивающие на бродящей гуще, а не чистый, небесный напиток, приобщающий человека к истинной жизни!

Мраморная глыба была поднята на подставку, и от неё начали откалывать кусок за куском. Художник мерил, ставил чёточки и точки, и мало-помалу грубая работа была выполнена, камень стал принимать формы живого тела, очертания божественно-прекрасного образа молодой девушки. Тяжёлый камень превратился в воздушную, порхающую, прелестную Психею, улыбающуюся небесною улыбкою, навеки запечатлевшеюся в сердце молодого ваятеля.

Звезда, сиявшая на румянном утреннем небе, видела всё это и, право, поняла, что творилось в душе молодого человека, поняла и краску, вспыхивавшую на его щеках, и блеск его глаз в то время, как он воплощал в мраморе создание Божие.

– Ты мастер, какие жили во времена древних греков! – говорили ему восхищённые друзья. – Скоро весь свет будет дивиться твоей Психее!

– Моей Психее! – повторил он. – Моей! Да, она и должна быть моею! И я такой же художник, как мои великие предшественники. Милосердый Господь даровал мне талант, превознёс меня, как своего избранника! Я не ниже кровных аристократов!

И он упал на колени, и со слезами благодарил Бога, потом опять забывал Его ради неё, ради её мраморного изображения, ради Психеи, словно вылепленной из снега и разрумяненной утренним солнцем.

Но ему предстояло увидеть её живую, прекрасную, воздушную, предстояло опять услышать её музыкальный голос! Он должен был явиться в роскошное палаццо с известием о том, что мраморная Психея исполнена. Он и явился туда; прошёл по двору, мимо мраморного бассейна, куда бежала вода из пасти дельфинов, и где в изобилии росли змеиная трава и свежие, пышные розы, а

затем вступил в обширную, высокую переднюю. Стены и потолок её были расписаны картинами и гербами; разодетые слуги, гордые, увешанные погремушками, как лошади во время карнавала, ходили вниз и вверх по лестницам; некоторые лениво развалились на резных скамьях; сдавалось, что господа в доме – они! Молодой человек сказал, зачем пришёл, и его повели по гладкой мраморной лестнице, устланной мягкими коврами; по обеим сторонам её стояли статуи; затем молодой человек прошёл через анфиладу роскошных, изукрашенных картинами покоев, с блестящими мозаичными полами. При виде всей этой роскоши, ему стало как-то не по себе, у него захватило дух, но скоро он преодолел это чувство, и ему опять стало легко. Старый, знатный господин принял его очень ласково, почти дружески и, поговорив с ним, предложил ему пройти к молодой синьоре, – она тоже желала видеть художника. Слуги опять повели его по роскошным покоям и залам, и вот, он очутился в комнате синьоры, лучшим украшением которой была она сама.

Она заговорила с ним; никакое *Miserere*^[1], никакой церковный гимн не могли бы так потрясти сердце, так взволновать душу! Он схватил её руку и прижал к своим губам; рука была мягче, нежнее лепестка розы, но от этого лепестка исходил огонь! Он прожог молодого человека насквозь, поднял его высоко, высоко!.. И из уст его полились слова, в которых он и сам не отдавал себе отчёта. Разве знает кратер, что выбрасывает раскалённую лаву? Он высказал ей свою любовь. Она стояла поражённая, негодующая, гордая, с таким выражением гадливого презрения на лице, как будто внезапно дотронулась до мокрой лягушки. Щеки её горели огнём; губы совсем побелели; чёрные, как ночь, глаза метали молнии.

– Безумец! – сказала она. – Прочь! Прочь! – и повернулась к нему спиной. Прекрасное лицо приняло выражение знаменитой окаменелой головы, с змеями вместо волос.

Упавший духом, осунувшийся, беспомощный побрёл он по улицам, как лунатик. Очнулся он только у себя дома, и тут, в приливе бешенства и отчаяния, схватил молоток, замахнулся и хотел раздробить прекрасную мраморную статую. Он и не заметил, что

друг его Анджело стоял позади него. Анджело с силою схватил его за руку.

– С ума ты сошёл?! Что с тобою?

Началась борьба; Анджело был сильнее, и молодой ваятель, тяжело дыша, бросился на стул.

– Что случилось? – продолжал Анджело. – Приди в себя! Говори! Но что он мог сказать? Что мог рассказать? Анджело не добился от него ничего и махнул рукой.

– У тебя просто кровь сгустилась от твоих вечных мечтаний! Будь же человеком, как мы все, не живи одними идеалами, – не выдержишь! Хлебни вина, увидишь, как чудесно заснёшь! Возьми доктором красивую девушку. Девушки Кампаньи прелестны, не хуже принцесс из мраморных палаццо: и те, и другие, ведь, дочери Евы, и в раю их не различишь! Пойдём со мною! Я буду твоим ангелом-хранителем! А придёт время – состаришься, тело одряхлеет, и в один прекрасный день, когда всё кругом будет веселиться на солнце и ликовать, ты будешь валяться, как высохшая былинка, которой больше уж не расти! Я не верю тому, что говорят патеры – будто за могилу нас ждёт другая жизнь; это прекрасная мечта, детская сказка, довольно утешительная, если верить в неё. Но я не предаюсь мечтам, а живу действительностью. Пойдём со мною! Будь человеком!

И он увлёк его с собою; ему удалось это в данную минуту: в крови молодого ваятеля горел огонь, в душе произошёл переворот, пробудилось непреодолимое желание порвать со всем старым, привычным, отрешиться от своего прежнего «я». Вот почему он и последовал за Анджело.

На одной из окраин Рима находился излюбленный трактирчик художников; устроен он был в уцелевшей части древних терм; старые жёлто-красные стены скрывались за тёмною, блестящею зеленью лимонных деревьев, сквозь которую сверкали золотистые крупные плоды. Трактир помещался под глубоким сводом, так что напоминал пещеру. Внутри, перед образом Богоматери горела лампада; в очаге пылал огонь; тут жарили, варили и пекли; в саду под тенью лимонных и лавровых деревьев стояло несколько накрытых столиков.

Друзья встретили вновь пришедших с распростёртыми объятиями, и

закипело веселье. Закусили немножко, порядочно выпили – это веселит и подбадривает – и принялись петь и играть на гитарах. Зазвучала сальтарелла^[2], и начались танцы. Две молодых римлянки, натурщицы художников, закружились в пляске. Две прелестные вакханки! Да, они не были похожи на Психею, не были нежными, прекрасными розами, но свежими, сочными, пышными гвоздиками.

Какая жара стояла в этот день! Она продолжалась даже после заката солнца! Огонь в крови, огонь в воздухе, огонь во взглядах! Воздух отливал золотом и розами, казалось, и вся жизнь полна золота и роз!

– Ну, наконец-то, и ты с нами! Отдайся же течению жизни!

– Никогда ещё не чувствовал я себя таким здоровым и весёлым! – сказал молодой художник. – Ты прав, вы все правы, я был глупцом, мечтателем! Человек принадлежит действительной жизни, а не фантазии!

С пением под аккомпанемент гитар, вышли молодые люди из трактира и направились по переулкам города; вечер был ясный, звёздный. Обе роскошные гвоздики, дочери Кампаньи, сопровождали их.

В комнатке Анджело, заваленной разбросанными повсюду эскизами, листками и картинами, изображавшими сцены, полные красоты и страсти, голоса зазвучали глуше, но так же весело и страстно. По полу валялись рисунки, изображавшие дочерей Кампаньи во всевозможных видах; рисунки дышали жизнью и красотой, но сами девушки были ещё куда красивее. Канделябр о шести свечах пылал всеми огнями, и при их свете красота девушек выступала ещё ярче; из телесного образа просвечивал образ божества.

«Аполлон! Юпитер! Я возношусь в вам, на небо! В моём сердце как будто распускается цветок жизни!»

Да, он распустился... поблёк и опал, распространяя одуряющие испарения. Лицо побледнело, мысли спутались... Фейерверк страстей погас, и наступила тьма.

Он добрался до своего дома, бросился на постель и тогда только немного собрался с мыслями. «Тьфу!» вырвалось из его уст, из глубины его сердца. «Несчастный! Прочь! Прочь!» И он горько,

глубоко вздохнул.

«Прочь! Прочь!» эти слова живой Психеи не переставали раздаваться в его сердце, срывать с его уст. Он уронил голову на подушку, мысли его спутались, и он заснул.

На заре он проснулся и стал припоминать вчерашнее. Что такое случилось накануне? Не во сне ли всё это было? И её жестокие слова, и пирушка в трактире, и вечер, проведённый в обществе пунцовых гвоздик Кампаньи?.. Нет, всё это было наяву, было действительностью, новой для него действительностью!

На алеющем небе светилась яркая звезда; лучи её упали на ваятеля и на мраморную Психею. И он задрожал, взглянув на этот нетленный образ: ему казалось, что его нечистый взгляд не смел больше смотреть на неё. Он торопливо набросил на статую покров; потом опять было хотел снять его и раскрыть Психею, но нет! Он был не в силах больше смотреть на своё создание!

Тихий, угрюмый, весь уйдя в самого себя, просидел он весь этот длинный день, не зная, не сознавая, что творилось вокруг, и никто не знал, что творилось в нём самом.

Дни шли за днями, недели за неделями; особенно долго тянулись ночи. Однажды утром яркая звезда увидала, как он, смертельно бледный, дрожащий, словно в лихорадке, вскочил с постели, подбежал к мраморной статуе, сдёрнул с неё покров, посмотрел на своё творение долгим, скорбным взглядом и затем, почти изнемогая под её тяжестью, стащил её в сад. Там был глубокий, высохший колодезь^[3], скорее яма; в неё-то он и опустил свою Психею, забросал её землею, а свежую могилу прикрыл хворостом и крапивою.

«Прочь! Прочь!» Коротка была надгробная речь.

Звезда видела всё это с румяного небосклона, и лучи её задрожали в двух крупных слезах, скатившихся по бледным щекам молодого человека, заболевшего лихорадкой – заболевшего смертельно, – говорили о нём, когда он лежал в постели.

Монах, брат Игнатий, явился для него другом и врачом. Он явился к одру больного со словами религиозного утешения, заговорил о мире, о счастье, даруемых церковью, о греховности человеческой, о милосердии Бога и спасении через Него.

Слова его были солнечными лучами, падавшими на мокрую, вспаханную почву, и из неё стали подыматься испарения, превращавшиеся в облака – в мысленные образы, бывшие в то же время и действительными. С этих-то воздушных, скользящих в пространстве островов молодой человек и стал смотреть вниз на жизнь человеческую; вся она была обман, разочарование, по крайней мере для него! Самое искусство было волшебницей, вовлекающей нас в грех суетного земного тщеславия! Мы лжём и самим себе, и друзьям, и Богу. Змея, скрывающаяся в нас, твердит нам: «Вкуси и станешь подобным Богу!»

Теперь только – казалось ему – он понял самого себя, уразумел путь истины и мира. В церкви был свет Божий и ясный мир, в монашеской келье – покой; там только древо человеческой жизни могло возрасти для вечности!

Брат Игнатий укрепил в нём эти мысли, и он решился: дитя света стало слугою церкви, молодой ваятель отрёкся от мира, ушёл в монастырь.

Как сердечно, любовно приветствовала его братия! Как торжественно было посвящение! Сам Господь, казалось ему, присутствовал в церкви, в озарявших её солнечных лучах, в сиянии, окружавшем лики святых и кресты. И, стоя вечером, на закате солнца, у открытого окна в своей маленькой келье, он окинул взором старый Рим, разрушенные храмы, величественный, но мёртвый Колизей, узрел всё это в весеннем уборе цветущих акаций, свежей зелени плюща, пышных роз, золотистых апельсинов и роскошных веерных пальм, и ощутил в своей груди такую полноту блаженства, какой никогда ещё не знал прежде! Открытая тихая долина Кампаньи убегала к блестящим, покрытым снегом горам, точно нарисованным на небе. Всё сливалось, дышало миром и красотой, всё как будто грезило, расплывалось в мечтах, весь мир был мечтою!

Да, мир был мечтою, а мечта может покорить человека на час, много на два, затем опять вернуться на некоторое время, жизнь же в монастыре должна была длиться годы, многие, долгие годы!

И ему пришлось сознаться, что изнутри человека выходит многое, оскверняющее его! Что это за огонь жёг его временами? Что это был в нём за источник зла, которое вырывалось наружу, несмотря

на его сопротивление? И он бичевал свою плоть, но источник зла не иссякал. Что такое заставляло его ум обвиваться змеёю вокруг его совести и заползать вместе с нею под плащ Божественной любви? Чей это голос шептал ему: «Святые, ведь, молятся за нас, Божья Матерь тоже, а сам Иисус Христос отдал за нас свою плоть и кровь!» В силу ли ребячества или легкомыслия он отдавался под покровительство Высшей Милости и чувствовал себя превознесённым над прочими людьми? Как же! Он, ведь, оттолкнул от себя мирскую суету, стал сыном церкви! Однажды, спустя много лет, он встретился с Анджело; тот узнал его.

– Ну вот! – сказал Анджело. – Так это ты! Что ж, счастлив ты теперь? Ты согрешил против Бога, отбросил Его дар, загубил свой талант! Прочти притчу о доверенных талантах! Учитель, рассказавший её, принёс в мир истину! Ну чего же ты добился, чего достиг? Не создал ли ты себе жизнь праздного мечтателя? Не создал ли себе собственную религию, как и все монахи? А что, если всё это лишь мечта, фантазия, прекрасные вымыслы?

– Отойди от меня, сатана! – сказал монах и отошёл прочь от Анджело.

– Это сам дьявол! Я видел его сегодня воочию! – шептал монах. – Я протянул ему однажды палец, а он схватил всю мою руку!.. Нет! – вздыхал он потом: – Зло во мне самом! В этом человеке тоже есть зло, но он не падает под его бременем, носит голову высоко, счастлив! А я ищу счастья в утешениях религии... А что, если это и впрямь только утешение?.. Что, если и это, как всё то, от чего я отказался в мире, лишь красивый вымысел, обман, как красота розовых вечерних облаков, как голубая волнующаяся даль за горами?! Ведь, вблизи всё оказывается иным! О, вечность! Ты, как великий, безграничный, безмятежный океан, манишь, зовёшь к себе, наполняешь нашу душу предчувствиями, а дойдёшь до тебя и, может быть, погрузишься в бездну, исчезнешь, умрёшь... перестанешь существовать! Обман! Прочь! Прочь!

Без слёз, углубившись в самого себя, стоял он на своём жёстком ложе, преклонив колени – перед кем? Перед каменным распятием, вделанным в стену? Одна привычка заставила его преклонить

колени!

Чем глубже заглядывал он в свою душу, тем она казалась ему темнее; пустота внутри, пустота вне! «Даром загубил свою жизнь!» И мысли катились и росли, словно ком снега, росли, давили, стирали его с лица земли.

«И никому не смею я открыть этого червяка, гложущего мою душу! Моя тайна – мой пленник; выпущу я его – я стану его пленником!»

И частица божественного духа в нём продолжала страдать и бороться.

– Господи, Господи! – молился он в отчаянии. – Сжался надо мною, пошли мне веру!.. Я зарыл в землю Твой дар – свой талант! У меня не хватило сил, Ты не дал их мне! Бессмертная Психея в моей груди... Прочь, Прочь!.. И её предадут земле, как ту, лучший проблеск моей жизни!.. Никогда не восстанет она из своей могилы!

Звезда сияла на румяном небе. И она когда-нибудь потухнет, исчезнет, а души всё будут вечно жить и сиять! Дрожащий луч её упал на белую стену, но не начертил на ней ничего о величии Бога, о Его милости и любви, отголоски которых звучат в душе каждого верующего.

– Нет, Психея тут, во мне, никогда не умрёт!.. Жить сознательно?.. Может ли сбыться непостижимое?.. Да, да! Непостижимо – мое я! Непостижим и Ты, Господи! Весь Твой мир непостижим! Он чудо Твоей силы, великолепия и... любви!..

Глаза его засияли и потухли навеки. Звуки колокола проводили его в могилу. Он был зарыт в землю, привезённую из Иерусалима и смешанную с прахом благочестивых умерших.

По истечении нескольких лет, остов вынули, как и остовы всех умерших до него монахов, закутали его в тёмную рясу, надели на руку чётки и поставили его в нишу, сложенную из человеческих костей, найденных на монастырском кладбище. Туда светило солнце, доносился благоуханный дым ладана, звуки молитв.

Прошло много лет.

Кости скелетов рассыпались; черепа собрали и сложили в ряды, так что они образовали целую ограду вокруг церкви. В числе прочих лежал тут под жгучими лучами солнца и череп ваятеля;

много, много было их тут, но никто не знал, кому они принадлежали, не знали и его имени. И вот, однажды при свете солнца в глазных впадинах черепа мелькнуло что-то живое. Что это было? В пустой череп пробралась пёстрая ящерица и шмыгала назад и вперёд через открытые глазные впадины. Итак, в голове опять была жизнь, в той самой голове, где некогда бродили великие мысли, сияли мечты, любовь в искусству, ко всему прекрасному, откуда катились жгучие слёзы, где жила надежда на бессмертие! Ящерица выпрыгнула и пропала; череп истлел; стал прахом во прахе.

Прошли столетия. Яркая звезда светила по-прежнему, всё такая же светлая, крупная, какую была тысячелетия; небо отливало пурпуром, нежным, как пурпур роз, алым, как кровь.

Там, где некогда проходила узенькая улица, на которой находились развалины храма, была теперь площадь, а на ней возвышался женский монастырь. В саду рыли могилу; умерла молодая монахиня, и в это утро её хотели похоронить. Вдруг заступ наткнулся на камень, сверкавший ослепительною белизною. Показался белый мрамор; он округлился в плечо, потом обнажилась и вся рука. Стали действовать заступом осторожнее, и из земли показалась женская голова, потом крылья бабочки... Из могилы, куда хотели зарыть тело молодой монахини, извлекли при свете розовой утренней зари чудную статую Психеи, изваянную из белого мрамора. «Как она прелестна! Какое совершенство! Памятник искусства лучших времён!» говорили люди. «Кто создал её?» Никто не знал этого, никто, кроме сияющей тысячелетия утренней звезды. Она одна знала земную жизнь творца Психеи, его испытания, его веру в человеческое достоинство и слабость. Бренная оболочка его перестала жить, распалась в прах, как и должно, но результат его стремлений, воплощение таившейся в нём искры Божией – Психея осталась!.. И она никогда не умрёт, она переживёт самую память о своём творце, будет служить здесь на земле проблеском его бессмертной души! И вот, её нашли, оценили и полюбили! Ясная утренняя звезда, горевшая на румянном небе, обливала своим дрожащим светом Психею и освещала блаженно улыбающиеся уста и глаза зрителей, созерцавших в немом восторге душу, изваянную из мрамора.

Всё земное истлевает, рассыпается в прах, забывается; помнит о нём лишь звезда, свидетельница бесконечных времён; всё же небесное само сияет и живёт в памяти. Но и эта память может угаснуть, тогда как Психея живёт вечно!

^[1] Misereere – 50-й псалом из Псалтири.

^[2] Сальтарелло – итальянский парный народный танец.

^[3] Колодезь – колодец.

 Загрузка...